

Глава 1

Май

— Вы приехали на свадьбу? — спрашивает водитель, причем его жизнерадостный взгляд сосредоточен на мне, а не на узенькой трассе, по которой мы мчимся.

— Нет, нет, — отвечаю я. Мои пальцы начинают ныть от того, что постоянно сжимают сиденье. Он едет не меньше 70 миль в час*.

— Да, вы одеты не для свадьбы, — соглашается он.

Я опускаю взгляд на свою рубашку и так тушуюсь, что даже ненадолго перестаю бояться. Я купила в ТК Махх белую шелковую рубашку с 60-процентной скидкой, но через несколько часов после начала поездки вспомнила, что белые шелковые рубашки предназначены только для богатых людей или тех, кто любит стирку и глажку. При покупке одежды для меня главным фактором является то, что она после стирки будет выглядеть так, словно ее погладили.

Машина делает резкий поворот, и однополосная дорога сужается до ленточки, а затем лес полностью исчезает, и мы проезжаем через простые железные ворота, закрепленные на двух старых каменных столбах. Обширные лужайки медленно поднимаются вверх, а вдоль подъездной дорожки ряды высоченных деревьев протягивают ветви навстречу друг другу, создавая туннель из листьев. В тумане все выглядит словно старая фотография.

Впереди виднеется дом, хотя на самом деле он больше похож на маленький замок. Серый космический корабль из

* Около 110 км/ч — здесь и далее прим. пер.

песчаника с остроконечными башенками по бокам и огромной лестницей, ведущей от кругового проезда ко входу. Он грандиознее, чем я себе представляла, но какой-то мрачный. Я сразу же пишу Тиму: «Я в гребаном готическом романе».

Я довольна своим тоном. Он веселый, непочтительный, загадочный. Я думаю позвонить ему, чтобы рассказать по-подробнее, но не уверена, что он поймет юмор. Тим не очень начитан.

Шины автомобиля пробуксовывают, возвращая меня в реальность. Мы на мгновение застреваем, пока шины безнадежно прокручиваются по грязи, а водитель увеличивает обороты двигателя. Он переключает передачу, и мы мчимся вперед.

— Сзади есть короткая дорога к конюшням и коттеджам. А потом небольшая парковка, — говорю я, вновь проверяя инструкции на своем телефоне.

— Вы имеете в виду вход для персонала? — спрашивает он, приподняв одну бровь.

— Да, — киваю я и мечтательно смотрю в окно.

Задняя часть дома такая же величественная, но, возможно, более красивая, чем передняя. От вымощенного галькой двора и розария склон уходит вниз, к реке, которую слышно, но не видно. Конюшни расположены метрах в ста от дома, и машина останавливается между ними и тройкой небольших каменных коттеджей. Я оглядываюсь на главный дом, который едва виден сквозь небольшую дубовую рощу.

В самом большом из трех коттеджей из приземистой трубы симпатичными витками поднимается древесный дым, а на деревянной двери висит маленькая табличка с серебристыми буквами, которую я едва могу разобрать: «Только для персонала».

— Это здесь, — говорю я, выходя из машины и протягиваю водителю 200 шотландских фунтов, стараясь не морщиться из-за того, что прощаюсь с последними деньгами в кошельке. — Спасибо за поездку. Кто бы мог

подумать, что из Инвернесса можно добраться до западного побережья менее чем за полтора часа? Это, наверное, мировой рекорд.

Он выглядит необычайно гордым.

На парковке около дюжины машин, белый фургон, несколько больших черных дорогих внедорожников и пара гольф-каров — но людей все еще нет. Вдалеке слышится лай собаки, и этот звук зловещим эхом разносится по всему поместью.

Я чувствую, как мое беспокойство перерастает в настоящую тревогу. Вот оно. Я нахожусь буквально в конце пути и, возможно, совершаю свой самый безумный поступок с тех пор, как ушла с той дурацкой пьесы в Вест-Энде. Прямо перед своей первой репликой.

— Надеюсь, тебе понравится в Шотландии, девочка, — говорит водитель и с визгом шин по гравию уезжает.

Я несколько раз стучу в деревянную дверь. Для поздней весны здесь гораздо холоднее, чем я предполагала, а мой тонкий плащ оказался неподходящей одеждой для такой погоды.

Мой телефон пикает, это Тим:

«Что ты имеешь в виду?»

Я усмехаюсь. Он так предсказуем.

По-прежнему никого не видно. Скрестив руки на груди, чтобы защититься от ледяного ветра, я оглядываю двор в поисках признаков жизни. Я слышу, как лошади шаркают по покрытому сеном каменному полу в сарае, и чувствую запах земли. Наклоняюсь вперед, чтобы заглянуть в маленькое окно крайнего коттеджа, и тут срабатывает датчик движения и загорается маленький светильник, ослепляя меня.

— Хизер?

Я подпрыгиваю от звука голоса позади меня: глубокого, с сильным, но приятным шотландским акцентом. Я прикрываю глаза ладонью и пытаюсь разглядеть фигуру, выходящую из-за белого фургона. Он высокий, одет в белую по-

варскую форму под темным пальто, которое распахнуто и развевается на ветру, с темной шерстяной шапочкой, надвинутой на лоб. *Высокий, загадочный и умеет готовить яйца-пашот.* Я сразу же заинтригована.

— Здравствуйте! Да, это я. Честь имею! — говорю я, отдавая ему честь, как генералу. Веду себя как придурок в комедии. Все из-за нервов.

— Нам нужно, чтобы вы начали прямо сейчас, — нервно говорит он, поднимая воротник пальто.

— Прямо сейчас? — отвечаю я, отчаянно желая выпить чашку горячего чая и принять душ.

— Наш парень на замену упал в реку Эйр, пока п сал, — произносит кто-то с акцентом английского мажора, и тут появляется мужчина намного старше, ниже ростом, в темном костюме и с торчащим животом, таща за собой одну из этих модных тележек для багажа. Свет падает на его красноватое лицо, покрытое морщинами, но веселое. — Его госпитализировали с переохлаждением.

— Переохладил самое ценное, — отвечаю я, хихикая — не могу удержаться, и он одаривает меня озорной ухмылкой.

— Я Уильям. Но все зовут меня Билл. А это Джеймс, он пришел поприветствовать вас от имени кухни, — продолжает мужчина, бросая взгляд на мою сумку. — Ну, тележка мне не понадобится. Вы путешествуете налегке. Боже милостивый! Видели бы вы, кто приехал вчера поздно вечером. Бедному ночному портю пришлось десять раз подниматься и спускаться по лестнице. А у него больная нога.

— Я не люблю возить с собой больше, чем могу унести на себе, — говорю ему с улыбкой.

— Надеюсь, вы привезли резиновые сапоги, — произносит он, глядя на мои туфли.

— Нет. Придется купить. И пальто. Разве никто не предупредил Шотландию, что сейчас май, ради всего святого? — говорю я, обнимая себя руками.

— Это все северный ветер. Он пронизывает даже летом, — говорит Билл, вставляя ключ в замочную сква-

жину коттеджа, и с тяжелым стуком поворачивает старый замок. Он толкает дверь, но вместо того, чтобы проводить меня внутрь, засовывает туда мой чемодан и захлопывает дверь. — Виноград на таком ветру не вырастить, верно?

Я торможу, а затем силюсь быстро ответить:

— Да. Конечно, ему нужно больше тепла. За исключением случаев, когда наступают заморозки. Мороз иногда нужен. — Он смотрит на меня, поэтому я, естественно, продолжаю словесный бред. — Для винограда, чтобы сделать вино... эээ... лучше.

— Нам необходимо, чтобы вы приступили к выполнению своих обязанностей сегодня вечером, — перебивает Джеймс, прорываясь сквозь нашу болтовню. Его плечи напряжены, он смотрит назад в сторону главного дома, как будто оставил там сковороду горячего жира на большом огне.

Я начинаю чувствовать легкую панику.

— Я не одета, — все, что я могу сказать. — Я думала, что сначала будет какое-то вводное обучение, нет? Просмотр фильма «Добро пожаловать в компанию». Несколько часов за настройкой электронной почты. Встреча с боссом. Приветственный коктейль.

— А девчонка — молодец, — снова хихикнул Билл.

— Мы подобрали вам униформу. — Джеймс нахмурил свои густые брови, а затем резко отвернулся и погрузился в раздумья.

Билл поворачивается ко мне с извиняющейся улыбкой:

— Простите, что все так неожиданно. Но я уверен, что вы прекрасно справитесь с вашим-то невероятным опытом. О, не делайте такой смущенный вид, это ведь я вас нанял, помните? Я видел ваше резюме.

— Точно. Конечно. Хорошо, пойдемте, — говорю я как можно увереннее. Нет необходимости обсуждать мое резюме в присутствии Джеймса. Или в присутствии кого бы то ни было.

Билл запрыгивает в ближайший гольф-кар и включает зажигание. Джеймс нетерпеливо улыбается и кивает в сторону пассажирского сиденья.

— Здорово, — говорю я, пока он становится на маленькую платформу позади и цепляется за нее.

— Если Джеймс нервничает, то это потому, что ему нужно обсудить с тобой меню *прямо сейчас*, — шепчет Билл.

Мне придется быть осторожной со всем, что я говорю. Играть в новенькую. При том числе работ, которое у меня было, это я делать умею.

Мы подъезжаем ко входу на кухню, и когда тяжелая современная дверь открывается, свет и шум выплескиваются во двор, и все мои чувства внезапно оживают.

Кухня гудит. Три повара в белой униформе готовятся к вечернему обслуживанию гостей. Кто-то моет груды мелкого молодого картофеля, у одного повара в руках большой лоток микрозелени, которую он перебирает чем-то, напоминающим пинцет, словно в криминалистической лаборатории. Раздается своеобразный ритмичный хор: ножи бьют по дереву, сковородки шлепают по граниту, а мои каблук цокают по каменному полу.

— Привет, шеф, — говорит самый молодой из них. Он весь в брызгах крови и держит в руках до комичного большой разделочный нож. Джеймс одобрительно кивает молодому парню, который краснеет и застенчиво улыбается ему в ответ. Это милый диалог, и я немного проникаюсь к Джеймсу.

Запахи лимонной цедры и насыщенного темного шоколада наполняют мне нос, когда мы проходим мимо кондитерского прилавка. Затем глаза жжет лук, когда мы ныряем через низкий дверной проем в зону приготовления. Здесь два ряда варочных поверхностей из нержавеющей стали и больших печей, и еще одна молодая повар с серьезным видом, с темными волосами, убранными под сетку, стоит

над огромной кастрюлей, осторожно накладывая туда огромным половником крошечных омаров.

— Боже мой, крошечные омары, — ошеломленно шепчу я, но тут Билл внезапно исчезает через распашную дверь в ресторан. Я вижу темную, освещенную свечами комнату с акцентами бордового цвета и в шотландскую клетку.

— Лангустины, на три минуты пятнадцать секунд в крутой кипяток, — говорит себе шеф-повар, запуская маленький таймер. *Это лангустины.* Я краснею от собственной глупости и делаю глубокий вдох. *Я не продержусь и пяти минут, если не буду держать язык за зубами.*

— Хизер? — Джеймс зовет меня из служебной зоны, где он разбирает исписанные листы бумаги.

— Ага. Тебя можно звать Джейми, верно?

— Вообще-то я Джеймс, — отрывисто говорит он и смотрит в пол. — Ты готова?

— Конечно, — отвечаю я, изображая на лице уверенность.

Он протягивает мне лист бумаги:

— У нас есть вино для лангустинов и лосося горячего копчения, но нет для свеклы с маринованной капустой. И еще нам нужно что-то к стейку из лопатки. Я бы выбрал Каберне, но нужно учесть, что в блюде есть весенняя зелень и мусс из репы. Что скажешь?

Джеймс откладывает лист бумаги и смотрит на меня. Я впервые вижу все его лицо при свете. Он определенно привлекателен, если вам нравятся красавцы с полными губами, нахмуренными бровями и неделю не брившиеся; мне, безусловно, нравятся. Темные волосы, карие глаза и щеки, покрасневшие от кухонного жара. Да еще и этот накрахмаленный поварский костюм. Я изо всех сил стараюсь не пялиться.

Так. Я определенно пялюсь.

Все еще пялюсь.

— Хизер?

Я выхожу из оцепенения и возвращаюсь к работе.

— Есть идеи, с чем можно подать стейк?

— А с чем вы его обычно подаете? — спрашиваю я, надеясь найти простое решение.

— Меню постоянно меняется в зависимости от сезона, так что, боюсь, это новое блюдо. Каждый день приходится подбирать новые напитки. Как я уже сказал, мы часто сочетаем стейк из лопатки с Каберне, но я думаю, что репа...

— *Меню постоянно меняется?* — сглатываю я.

Джеймс вздыхает:

— Извини. Я знаю, что информации много. Перед каждым приемом пищи мы садимся и обсуждаем с сомелье напитки для дегустационного меню. А затем я обсуждаю все с шеф-поваром.

— С шеф-поваром? Я думала, ты и есть шеф-повар.

— Нет, — отвечает он с застенчивой улыбкой. — Рассел Брукс — наш новый шеф-повар — проверит все сегодня вечером. Все должно быть идеально с первого раза, — говорит он извиняющимся тоном.

— Рассел Брукс, — улыбаюсь я. — Звучит как фирма электроприборов.

Шутка на мгновение повисает в воздухе, затем увядает и умирает.

— У него две звезды Мишлен, — говорит Джеймс с расширившимися от ужаса глазами.

— О да, — быстро отвечаю я.

Две звезды Мишлен? Ерунда какая-то. Я думала, это местечко застряло в Средневековье. Тут я оглядываю кухню и понимаю, что все это действительно выглядит как-то чересчур грандиозно.

— Конечно, я знаю, кто он такой. Все знают Рассела Брука.

— Брукса, — поправляет он.

— Да, — быстро киваю я. — Две звезды Мишлен.

— Тебе нужно немного времени на ознакомление?

Я могу дать полчаса, а потом мы должны подготовить проект для шеф-повара. — Он протягивает мне меню.

Я некоторое время изучаю лицо Джеймса. Я не могу понять, отчаянно ли он умоляет меня о помощи или злится, что я до сих пор не помогла. Одно можно сказать наверняка: он ждет, что я возьму все в свои руки, а я до сих пор пытаюсь оттянуть неизбежное. Пришло время браться за дело.

— Где вы храните винную карту? А само вино? Мне нужно будет спуститься в погреб и, возможно, кое-что попробовать, — говорю я, забирая меню у него из рук. Господи, как все сложно! Это место чертовски выпендренное. Что, черт возьми, такое «копченый морской бекон»? — Для чего там мне нужно выбрать вино?

— Для цесарки, краба, свеклы с ферментированным ячменем и стейка из лопатки, — отвечает Джеймс, и вздувшаяся жилка на его шее немного опадает. — Новая карта вин здесь, — говорит он, пихая мне в руки большую черную кожаную папку, — а погреб находится на заднем дворе, с той стороны, с которой ты приехала. Там нужно спуститься по каменной лестнице возле отделения глубокой заморозки. Показать?

— Не нужно. Я буду через полчаса, — говорю я и киваю, решив, что тишина винного погреба будет самым безопасным местом для паники. *Новая карта вин?*

— Секунду. Анис? — обращается он к девушке, которая варила мини-лобстеров, и она хмурится, потому что он ее отвлек. Она осторожно наливает в блендер темно-зеленое масло со всей серьезностью хирурга, делающего операцию на открытом сердце. — Как только закончишь укропный соус, сделай дегустационную тарелку для Хизер, — приказывает Джеймс.

— Да, шеф. — Она бросает на нас мрачный взгляд и направляется к холодильнику.

Джеймс кивает и почти улыбается, после чего возвращается на кухню. Я на мгновение выдыхаю, прежде чем вспомнить, что время идет, а у меня в запасе его очень мало.

Я быстро прохожу обратно через зону приготовления и спускаюсь по дивно романтической каменной лестнице

в подвал. Пытаюсь нащупать выключатель, как раз когда загорается еще одна чертова сенсорная лампочка, но на этот раз она светится теплым, тусклым желтым светом. Мои глаза адаптируются, и на мгновение я изумляюсь пространству передо мной.

Погреб простирается в темноту, но здесь хранится не только вино. На современных стальных стеллажах сложены большие круги сыра, а с крюков из нержавеющей стали под потолком свисают огромные окорока и куски ветчины. А дальше — еще больше сыра. Боже, как я люблю сыр.

Но времени на раздумья нет. Я достаю телефон и раскладываю на полке перед собой огромную карту вин и меню. Черт! Это точно не та винная карта, которую я распечатала с сайта. В той, которую я засунула в сумку еще дома, было около дюжины красных и белых вин разной степени дешевизны.

План — если это можно было назвать планом — состоял в том, чтобы пройти быстрый курс под руководством абсолютно нового экземпляра книги «Вино для новичков» и сэра Гугла попозже вечером. Поверхностные знания. Достаточно для блефа. Достаточно, чтобы проторчать лето в дрянной гостинице в глуши. Только вот захудалая, ветхая, дрянная шотландская гостиница осталась в моих фантазиях, а вместо нее я оказалась в изысканном, роскошном бутик-отеле. Этому месту нужен сомелье мирового класса, чтобы расшифровать совершенно новую двадцатистраничную карту вин. А я определенно не из таких.

Пришло время позвать на помощь.

Пришло время позвонить *настоящей* Хизер.

Глава 2

За две недели до этого

— Уже собралась? — спросила я, качая головой и оглядывая ее спальню в поисках вещей, которые я могла бы «одолжить», пока ее не будет. Я уже заметила ее туфли на перепонке, торчащие из-под стула, и щипцы для выпрямления волос. Затем увидела бикини, разложенные на кровати. Насколько шикарен этот шотландский отель?

Хизер была моей лучшей подругой с начальной школы, когда она приехала с отцом в наш родной город Плимут вскоре после смерти матери. Я сразу заметила, как она боится: крутит свои кудри, не отрывая глаз от пола. Информация про ее маму распространилась по детской площадке как молния. Я сразу поняла: я нужна этой девочке.

Я подошла к ней:

— Не бойся. Я тебе все покажу. Я Элизабет Финч, и мне уже шесть лет.

— Финч? Как птица*? — прошептала она в ответ. — У меня есть карандаш с маленькими птичками. Хочешь?

— Конечно. — Я восхитилась яркими маленькими картинками и ластиком в форме клюва. У меня никогда не было такого особенного карандаша.

— Теперь он твой. Будем дружить?

— Конечно, но тебе понадобится гораздо больше карандашей, — ответила я с широкой улыбкой. Хотя, конечно, дело было вовсе не в карандаше.

* finch — вьюрок, прим пер.

С того дня мы стали неразлучны. Я была ее яростным защитником, а Хизер — самым добрым, позитивным человеком в моей жизни.

Сегодня мало что изменилось. Двадцать пять лет спустя у нее есть квартира в Лондоне, одежда, косметика и стабильный доход, благодаря которому у нее всегда будет молоко к чаю. Пойдя по стопам отца, она стала одним из самых ярких молодых экспертов по вину в стране. Хизер нашла свой путь в жизни. А я до сих пор чувствовала себя ребенком без собственных модных карандашей.

Она присела на край кровати, сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, и нервно посмотрела на меня:

— Птичка, случилось кое-что серьезное. Но я в порядке. Все хорошо. На самом деле, все отлично.

— О-о-о, звучит восхитительно, — ответила я, чувствуя легкое покалывание в предвкушении драмы. Я оперлась о край ее туалетного столика и приготовилась. — К счастью для тебя, я снова официально безработная, и теперь у меня есть время на все драмы в мире. Так что продолжай, я готова.

— Это не драма, — сказала она, и ее большие глаза прищурились от обиды.

— Черт! Извини, я не хотела показаться легкомысленной. Пожалуйста, говори. Что случилось?

— Мне кажется, я влюбилась в Кристиана, — сказала она, и ее рот искривился в нервной улыбке.

— О, — ответила я, пытаясь казаться бодрой, хотя сердце у меня ушло в пятки.

— Знаю, знаю. — Она покраснела и радостно улыбнулась, а мне захотелось сломать что-нибудь пополам. *Только не в него. Не в Кристиана, он же наркоман.*

— Правда? — сказала я, собравшись с силами. — В сапожника?

— Он дизайнер обуви, — произнесла она, вздохнув. — В общем, я еду с ним в Рим на лето, чтобы посмотреть, получится ли из этого что-нибудь.

Это объясняет бикини.

— Он собирается расстаться со своей девушкой, — быстро добавила она. Чтобы успокоить меня, я полагаю. А потом она глубоко вздохнула. — Птичка, я думаю, что, может быть... Я имею в виду, что, возможно, у нас любовь. Думаю, я нашла своего мужчину.

— Хорошо, — кивнула я, отвернувшись и разглядывая бамбуково-керамическую щетку, чтобы не смотреть на нее. Я провела пальцем по щетине и мысленно отметила, что нужно чаще укладывать феном свою вьющиеся волосы. — А что насчет работы? Ты же не собираешься бросить ее ради Кристиана?

Ответ на этот вопрос я уже знала. Это была ее ахиллеова пята. Хизер хотела Любви с большой буквы. Она бросала все при одном ее упоминании. Только за последние два года мы пережили Мерзкого Кайла; сорокавосьмилетнего ветеринара, который называл ее «котеночек»; Калиля-пекаря, у которого в постели тесто не поднималось, и он говорил Хизер, что это ее вина; Просветленного Уоррена, самого сексистского феминиста в мире; и вот теперь Кристиана.

У Кристиана есть девушка, с которой он, очевидно, собирается расстаться, и глубокие и прочные отношения с тяжелыми наркотиками. Я не психолог, но для девушки, которая очень рано потеряла маму, а через несколько лет и отца, должна быть какая-то связь между этими фактами и отчаянной потребностью быть любимой.

Это было невероятно обидно, потому что если кто и заслуживал встретить чертовски хорошего спутника жизни, то это быть Хизер. Она сама была чертовски хорошим человеком.

— Ну, это не работа моей мечты.

— В смысле? Ты говорила, что хочешь туда поехать. В это самое место. Ты целую вечность ждала, когда там появится вакансия. Зачем просто все бросать?

— Это всего лишь летняя стажировка, — огрызнулась она.

Поддерживай ее, Элизабет Финч.

— А, ну ладно, — ответила я, кивая.

— Я и согласилась-то только потому, что думала, что должна увидеть Шотландию в какой-то момент своей жизни, потому что, ну, я наполовину шотландка. Это старое обветшалое место в глуши. Но оно рядом со Скаем, а я хотела увидеть Скай. Ты же знаешь, как я всегда хотела побывать в Скае. Моя мама там родилась.

— Я знаю, знаю, — быстро проговорила я.

— В любом случае, у этого места ужасные отзывы на TripAdvisor. Честно говоря, им нужен не чертов сомелье, а полный ремонт. Но, Птичка, я должна выяснить, есть ли будущее у этой истории с Кристианом. Ты бы упустила шанс на настоящую, истинную любовь? — спросила она, глядя на меня большими округлившимися глазами.

Не поймите меня неправильно, я люблю счастливые концовки, но Кристиан не про это. Фу. Я не могла смириться с мыслью, что еще один недостойный засранец займет место в ее добром сердце. И все же я не могла сказать ей об этом. На горьком опыте я поняла, что нотации и вмешательство не работают с Хизер, когда дело касается любви.

Моя задача как лучшей подружки Хизер заключалась в том, чтобы поддерживать ее, несмотря на все мои сомнения.

— Если это то, чего ты хочешь, тогда иди к своему сапожнику. Люби его! — Я вздохнула.

— Отвали. Ты издеваешься.

— Да нет, извини. Просто это немного неожиданно, — сказала я. *Поддерживай ее, Элизабет Финч.* Я посмотрела